

УДК 94 (517.3)
ББК 63.3 (5МО)

*Л.В. КУРАС,
Б.Д. ЦЫБЕНОВ*

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ (1945–1947)*

В статье освещены вопросы прибытия и размещения японских военнопленных в Монголии, прослежены изменения численности и жилищно-бытовых условий в лагерях в 1945–1947 гг.

Ключевые слова: японские военнопленные, Монголия, численность, жилищно-бытовые условия.

*L.V. KURAS,
B.D. TSYBENOV*

POPULATION DYNAMICS AND LIVING CONDITIONS OF THE JAPANESE PRISONERS OF WAR IN THE TERRITORY OF MONGOLIA (1945–1947)

The article is devoted to the issues of arrival and placement of Japanese prisoners of war in Mongolia, and examined the changes in the number and living conditions in the camps in 1945–1947.

Keywords: Japanese prisoners of war, Mongolia, population, living conditions.

В конце августа 1945 г. правительство МНР было проинформировано о предстоящем прибытии японских военнопленных и начало принимать меры к их приему. На заседании Совета министров МНР 31 августа 1945 г. было принято решение о создании специального отдела по надзору над исправительно-трудовыми лагерями для японских военнопленных. Согласно письму премьер-министра МНР Х. Чойбалсана к командующему Забайкальским фронтом, маршалу Р.Я. Малиновскому от 25 октября 1945 г. планировалось перевезти на территорию Монголии 20 тыс. чел. По другим данным, на железнодорожную станцию Наушки, расположенную на границе с МНР, должны прибыть 18 010 чел.; по информации американского монголоведа Р. Рупена, в Монголии находилось 15 тыс. чел. японских военнопленных. В действительности, по подсчетам С.В. Карасева и Ч. Дашдаваа, прибыло 12 318 чел., включая более 1000 чел. интернированных [4, с. 15; 3, с. 25; 6]. Вероятно, причиной отказа от дальнейшего перемещения военнопленных на территорию

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ а/м 15-21-03005 и Минобразования Монголии «Монголия во Второй мировой войне».

Монголии явилось тяжелое экономическое положение в стране, нехватка жилых помещений и продуктов питания. В этом отношении ситуация в соседних регионах Восточной Сибири выглядела лучше. Например, на территории Бурят-Монгольской АССР в рассматриваемый период действовала сеть малых и больших лагерей и механизм Гулага был готов к приему новых заключенных [2, с. 12]. Однако власти регионов оказались не готовы к принятию огромного количества японских военнопленных, например, в лагере № 24 (Читинская область) в декабре 1945 г. вместо 9 лагерных отделений было организовано 17, через месяц их количество увеличено до 35. Вследствие необеспеченности жилыми помещениями военнопленных размещали в хозяйственных постройках [10, с. 30–31]. Очевидно, что более 7 тыс. военнопленных, которых было намечено переправить в МНР, отправили в регионы Сибири. Известно также, что по пути следования эшелонов с военнопленными раненных и больных выгружали на железнодорожных станциях партиями по 20–30 чел. Некоторые военнопленные умерли в дороге от дизентерии, вызванной употреблением капусты и сырой воды. 20 ноября 1945 г. из железнодорожной станции Наушки маршем прибыла первая группа японских военнопленных в количестве 4986 чел.; 23 ноября вторая группа (1404 чел.); 4 декабря — третья (1479 чел.); 5 декабря — четвертая (1494 чел.); 9 декабря — пятая (1497 чел.); 10 декабря — шестая (1458 чел.). О тяготах пути свидетельствуют воспоминания бывших военнопленных: «мы были одеты в летнюю форму одежды. Было очень холодно. Много людей умерло от переохлаждения» (врач Касуга Юкио); «в Монголию прибыли в ноябре. Многие отморозили пальцы, впоследствии лишились пальцев и рук» (военнопленный Шунжи Ватанабэ) [1]. Для лечения больных военнопленных в срочном порядке в г. Сухэ-Батор был развернут госпиталь. В качестве жилых помещений для военнопленных властями Селенгинского аймака МНР было решено использовать аймачный клуб (на 1500 чел.) и клуб китайских рабочих (на 500 чел.). Однако отправка военнопленных в г. Улан-Батор и другие места зачастую задерживалась из-за нехватки и плохой работы транспортных средств. Ситуация усугублялась прибытиями очередных партий военнопленных со ст. Наушки. Заметим, что аналогичное положение сложилось и в Бурят-Монгольской АССР на пересыльном пункте станция Джида, где военнопленные, лишенные жилищно-бытовых условий, месяцами ждали транспорта для дальнейшей отправки в г. Городок (совр. г. Закаменск) [2, с. 23]. Трудной для японских военнопленных была дальнейшая дорога из г. Сухэ-Батор в г. Улан-Батор. Причиной обморожения рук и ног явилось отсутствие необходимой теплой одежды у заключенных, а также в ряде случаев, халатность конвоирующего персонала. Были известны случаи распития водителями спиртных напитков и вследствие этого медленной езды автомашин, в результате чего военнопленные получали сильные обморожения.

Большинство японских военнопленных было сосредоточено в лагерях, расположенных в различных районах г. Улан-Батор. Большая группа японцев была оставлена в г. Сухэ-Батор и поселке Алтанбулаг. Часть военнопленных была размещена в таких населенных пунктах, как Ероо, Зуун-Бурэн, Зуун-Хараа, Жаргалант, Огий-нуур, Налайха, Балжи и др. Обеспечение военнопленных жилыми помещениями стало одним из основных вопросов подготовительной работы по принятию японских военнопленных. Была создана правительственная комиссия во главе с первым заместителем премьер-министра МНР С. Лувсаном. В октябре 1945 г. члены комиссии провели заседание, где были рассмотрены итоги экспертизы ряда зданий и помещений, предназначенных для размещения заключенных. Решение комиссии было утверждено на совместном заседании Совета министров и ЦК МНРП. Согласно данному решению в рамках первого этапа приема военнопленных предписывалось разместить их в следующих помещениях: 1) военный гараж в г. Сухэ-Батор (по предварительным данным рассчитан на 500 чел.); 2) помещение Управления по строительству дорог в г. Сухэ-Батор (100 чел.); 3) кожевенный завод и артель кустарной промышленности в Алтанбулаге (300 чел.); 4) деревообрабатывающий завод в Ероо (100 чел.); 5) хозяйственное помещение в Зуунбулаг (150 чел.); 6) помещение казначейства в Энхтал (100 чел.); 7) помещение казначейства в Жаргалант (400 чел.); 8) жилые помещения для заключенных, работавших на мясокомбинате г. Улан-Батор (200 чел.); 9) дощатый сарай на территории мясокомбината, предварительно утеплить (100 чел.); 10) кирпичное здание, расположенное на территории мясокомбината (150 чел.); 11) жилые помещения школы имени Сухэ-Батора (600 чел.); 12) клуб объединения кустарной промышленности (150 чел.); 13) клуб первой артели кустарной промышленности (150 чел.); 14) половина здания спичечной фабрики (300 чел.); 15) клуб промышленного комбината (500 чел.); 16) здания и помещения, принадлежащие 17-й армии СССР, дислоцирующейся на территории МНР: а) жилые и хозяйственные помещения в Хужирбулане (до 3200 чел.); б) жилые помещения кирпичного завода Народно-Революционной армии, клуб (600 чел.); в) два здания в г. Амгалан (до 1200 чел.); г) бревенчатые дома в районе Гандан (до 250 чел.); 17) здание 2-го кинотеатра (600 чел.); 18) здание школы водителей деревообрабатывающего завода (600 чел.); 19) хозяйственные помещения в местности Нухтийн-Аман (100 чел.) [3, с. 63]. Все указанные помещения предписывалось отремонтировать и превратить в казармы для японских военнопленных. Однако сжатые сроки и большой объем работ стали причинами неподготовленности жилых помещений. Прибыв в лагерь, военнопленные занимались работами по ремонту и утеплению жилых и хозяйственных помещений. Например, в лагере «Амгалан» в ремонте жилого помещения было задействовано 623 военнопленных. Жилищно-бытовая неустроенность

была характерна и для большинства лагерей Восточно-Сибирского экономического района, где военнопленные до начала 1946 г. использовались на работах по оборудованию зон [9, с. 181]. В МНР ремонт лагерей был затруднен отсутствием необходимого лесоматериала, о чем свидетельствуют обращения лагерных администраций к первому заместителю премьер-министра МНР С. Лувсану. Из вышесказанного видно, что большую помощь Управлению по делам японских военнопленных в обеспечении жилыми помещениями оказала 17-я армия СССР, дислоцировавшаяся на территории МНР. Немалую роль в этом сыграли крепкие дружеские отношения, установившиеся между руководством 17-й армии и частями МНРА [8, с. 28–29].

Численность военнопленных в лагерях постоянно менялась. Например, в лагере «Амгалан» (другое название «Центральный») в конце декабря 1945 г. находилось 1307 чел. Из-за отсутствия нар многие военнопленные спали на холодном полу. Увеличение численности военнопленных наблюдается в лагерях «Белые казармы» (с 591 чел. в феврале 1946 г. до 927 чел. в октябре 1946 г.), «Первая колония» (712 чел. в феврале 1946 г. до 1800 чел. зимой 1946/1947 гг.) и некоторых других. Напротив, уменьшение численности заключенных наблюдается в лагере «Пятая фабрика» (с 1409 чел. в апреле 1946 г. до 1000 чел. зимой 1946/1947 гг.). Очевидно, основной причиной перемещения японцев из одних лагерей в другие явились зимние холода. По данным С.И. Кузнецова, основное количество смертных случаев в лагерях японских военнопленных приходится на зимние месяцы. С наступлением весны смертность резко снижается и летом случаи смерти были единичны. Это лишний раз подтверждает, что непривычный, суровый климат был одной из причин высокого процента смертности [5, с. 32]. Многие помещения в лагерях не успели утеплить и люди страдали от холода. Начальник лагеря в Хужирбулане С. Шарав вспоминал: «Невозможно было смотреть на мерзнущих, больных японцев. Поэтому мы договорились с начальником японских солдат Аракава о выдаче военнопленным после работы двух горячих кирпичей, которые они подкладывали под кровать или клали в ноги. Таким образом, они сумели пережить зимние холода». В ряде лагерей, где численность военнопленных увеличилась, не хватало матрацев, нар. Например, в лагере «Белые казармы» по данным на 25 марта 1947 г. не имели матрацев 576 чел. Отсутствие матрацев у многих военнопленных было зафиксировано и в лагере «Первая колония». Особенно тяжелое положение сложилось в лагере Жаргалант, где было размещено 414 чел. Их не обеспечили необходимыми жилыми помещениями, отоплением, матрацами. 25 чел. умерло, более 200 чел. были направлены в госпиталь г. Улан-Батор. Прокурор Управления по делам японских военнопленных Баньдхуу в акте от 30 января 1946 г. отмечал, что трудоспособных людей в лагере Жаргалант насчитывается всего 8 чел. В февра-

ле 1946 г. лагерь Жаргалант прекратил свое существование, оставшиеся свыше 100 военнопленных были переведены в г. Улан-Батор в лагерь для больных дистрофией. Аналогичные ситуации, сопровождавшиеся массовой гибелью заключенных, имели место в Читинской области. Например, в японском батальоне, прибывшем 2 ноября 1945 г., в составе 1499 чел. к февралю 1946 г. умерло 601 чел.; больных, травмированных и обмороженных 618 чел. и работающих на лесоповале 280 чел. [2, с. 86]. Имелись в МНР и подготовленные к зимним условиям лагеря, по итогам прокурорской проверки в начале 1946 г. образцовым лагерем, по всем показателям опережающим другие ИТЛ, был признан лагерь кожевенного завода, расположенный в пос. Алтанбулаг. К благополучным во многих отношениях местам заключения относились лагерь мясокомбината, института, дворца культуры, находившиеся в г. Улан-Батор.

Несмотря на официально принятый в Монголии стандарт пищевого рациона военнопленных, включавший овощи, рис, сахар, в реальной жизни питание контингента лагерей не соответствовало ему. Питание, как и многое другое, во многом зависело от места заключения военнопленного. В большинстве случаев пища была однообразной и состояла из рисовой похлебки на воде и черного хлеба или пшенной каши. В некоторых лагерях военнопленные получали небольшое количество монгольского сыра, печенье в выходной день. Иногда ели соленую рыбу, говядину, свинину. Заметим, что около 80 чел. военнопленных были направлены в специальный лагерь, находившийся у озера Огий-нуур. Их деятельность заключалась в занятии рыболовством и обеспечении рыбой всего контингента монгольских лагерей для военнопленных. Более 252 чел. занимались земледелием и огородничеством в лагере Борнуур; 156 чел. выращивали пшеницу в лагере Зуунбурэн. Для обеспечения военнопленных мясом Управление по делам японских военнопленных в феврале 1946 г. организовало охоту на антилоп-дзеренов в Восточногобийском аймаке. Охота на антилоп была продолжена и в 1947 г. Несмотря на эти мероприятия, обеспеченность заключенных мясом была низкой, по воспоминаниям многих военнопленных, им лишь 1–2 раза удавалось поесть мяса. В ряде мест лагерная администрация совершала хищения продуктов питания, предназначенных для военнопленных, проявляла халатность, выражавшаяся в неумышленной порче продуктов питания.

Необеспеченность заключенных зимней одеждой была одной из насущных проблем Управления по делам японских военнопленных. Вследствие отсутствия теплой зимней одежды многие военнопленные не могли выйти на работу. По данным на конец января 1946 г., в лагере Зуунхараа не хватало одежды для военнопленных, некоторые не имели зимних шапок; в лагере Налайха, где занимались добычей угля, 14 чел. не имели зимней обуви, 10 чел. — зимних шапок, 46 чел. — рукавиц,

53 чел. ходят в изношенной обуви. Лишь в октябре 1946 г. была проделана большая работа по пошиву зимней одежды (ватных штанов, рубашек, зимних шапок, валенок), поэтому зима 1946/1947 гг. прошла относительно спокойно, без массовых обморожений заключенных.

Низкокалорийное питание, отсутствие зимней одежды, проживание в холодных жилых помещениях приводили к распространению таких заболеваний как тиф, туберкулез, дизентерия. В МНР умерло 1615 чел. из 12318 военнопленных, что составляет 13,1%. В СССР смертность японских военнопленных составила 10% и выше, а в Бурят-Монгольской АССР смертность составила 6% от общей численности спецконтингента [2, с. 87]. Особенно тяжелыми для японских военнопленных в Монголии были зимние месяцы 1945/1946 гг., в начале января 1946 г. насчитывалось 202 умерших, в начале марта 1946 г. численность умерших достигла 553 чел. 34,2% всех смертей (или 1/3) пришлось на три зимних месяца. Такая же ситуация сложилась и в регионах Восточной Сибири. По данным А.В. Шалак, основной всплеск смертности среди японских военнопленных в Иркутской области пришелся на конец 1945 и 1946 гг. Количество умерших за это время составили 91,4% к общему количеству смертей среди военнопленных до конца их репатриации с территории Иркутской области [11, с. 233]. Причинами смерти японских военнопленных в Монголии были туберкулез легких (36,4%), пневмония (7,4%), дизентерия (8,3%), дистрофия (7,1%), болезни сердца, тиф, гепатит (2,7 — 3,8%), менингит, брюшной тиф (0,8 — 1,6%), аварии, производственный травматизм (3,2%) [3, с. 265–266].

Репатриация японских военнопленных прошла в октябре 1947 г., когда властям СССР были переданы 10705 чел., из них 579 офицеров, 2421 унтер-офицеров, 6517 рядовых, 1188 интернированных. Все военнопленные были обеспечены теплой одеждой и провизией на 20 суток. 14 октября 1947 г. была отправлена из г. Сухэ-Батор на ст. Наушки первая группа из 1019 чел., 17 октября — 1010 чел., 19 октября — 854 чел., 21 октября — 1097 чел., 22 октября — 1984 чел., 23 октября — 1011 чел., 25 октября — 1548 чел., 26 октября — 654 чел., 27 октября — 1478 чел. Перед отправкой многие военнопленные выражали сомнение в том, что их действительно отпустят на родину, в Японию. Некоторые считали, что они отработали слишком мало времени, поэтому их направят на дальнейшую работу в регионы СССР. Однако их сомнения были напрасны, все репатриированные были направлены по железной дороге в порт Находка, оттуда переправлены в Японию.

Согласно новым, рассекреченным материалам, в 1947–1949 гг. на территории Монголии продолжал использоваться труд японских военнопленных. Новая партия японских военнопленных в количестве 20 тыс. чел. прибыла в МНР предположительно в четвертом квартале 1947 г. или в 1948 г. для участия в секретном строительстве № 505, под кото-

рым подразумевалось строительство железной дороги от ст. Наушки до г. Улан-Батор. Согласно имеющимся данным, японских военнопленных планировалось перебазировать в Монголию с участков Байкало-Амурской магистрали [7, с. 9]. В 1947 г. в ИТЛ строительства № 505 прибыло около 9 тыс. заключенных, в 1948 г. — около 47500 чел. В их число, очевидно, входили 20 тыс. японских военнопленных. Строительство железной дороги Наушки — Улан-Батор было завершено в кратчайшие сроки, несмотря на тяжелые условия пустынной и горно-пересеченной местности и крайний недостаток местных строительных материалов, транспортных средств и связи. Участие большой группы японских военнопленных в форсированном строительстве железной дороги остается за завесой тайны и ждет дальнейших исследований.

Список использованной литературы и источников

1. Алтанцэцэг С. Шунжи Ватанабэ: Дуу минь «Яах гэж иргэж ирж байгаа юм бэ?» гэж билээ [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.medee.mn/main.php?eid=1776>.
2. Базаров О. Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.) / О. Д. Базаров. — Улан-Удэ : ВСГАКИ, 1997. — 93 с.
3. Дашдаваа Ч. Японы олзлогдогсод Монголд / Ч. Дашдаваа. — Улаанбаатар хот, 2013. — 310 с.
4. Карасев С. В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945–1956 годы) : автореф. ... дис. д-ра ист. наук : 07.00.02 / С. В. Карасев. — Улан-Удэ, 2007. — 38 с.
5. Кузнецов С. И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945–1956 гг.) : автореф. ... дис. д-ра ист. наук : 07.00.02 / С. И. Кузнецов. — Иркутск, 1994. — 39 с.
6. Рагчаа Ц. Монголд Японы 12318 олзлогдогч байжээ [Электронный ресурс]. — URL : <http://soyombo-1911.blogspot.ru/2010/05/12318.html>.
7. Улан-Баторская железная дорога (начало XX в. — 1957 г.) : документы и материалы / науч. ред. : Л. В. Курас, Н. Хишигт. — Улан-Удэ : Изд-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. — 258 с.
8. Цыбенков Б. Д. Советско-монгольское сотрудничество в годы Второй мировой войны / Б. Д. Цыбенков // Военно-исторический журнал. — 2013. — № 4. — С. 28–31.
9. Шалак А. В. Трудовое использование японских военнопленных на территории Восточно-Сибирского экономического района в 1945–1949 гг. / А. В. Шалак // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 3. — С. 180–186.
10. Шалак А. В. Японские военнопленные в Забайкальском крае: проблемы размещения и трудовой деятельности (на примере лагеря № 24) / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. — 2010. — Т. 11. — № 3. — С. 133–141.
11. Шалак А. В. Японские военнопленные на территории Иркутской области: динамика численности, условия проживания, трудовое использование (1945–1949 гг.) / А. В. Шалак // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 225–237.

Информация об авторах

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Цыбенков Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

Authors

Kuras Leonid Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova Str., 670047, Ulan-Ude, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Tsybenov Bazar Dogsonovich — PhD in Historical Sciences, Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova Str., 670047, Ulan-Ude, e-mail: bazar75@mail.ru.

УДК 338-43-02(571.1)«1930»
ББК 65.32-18

В.В. ЛАПЕРДИН

СИСТЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Анализируется низовая система определения урожайности в Западной Сибири в начале 1930-х гг., представлявшая собой иерархическую систему и состоявшая из различных районных партийных и хозяйственных организаций, в 1933 г. дополненных Межрайонными государственными комиссиями.

Ключевые слова: аграрная история, крестьянство, определение урожайности.

V.V. LAPERDIN

SYSTEM OF GRAIN YIELD DETERMINATION IN WESTERN SIBERIA IN EARLY 1930s

Author analyzed the local system of yield determination in Western Siberia in the early 1930s. which was hierarchical and consisted of various regional party and economical organizations, supplemented in 1933 by crossregion state commissions.

Keywords: agrarian history, peasantry, determination of yield.

Определение урожайности являлось одной из важнейших задач, стоявших перед планирующими организациями начала 1930-х гг. От нее зависели расчеты валового сбора сельскохозяйственных культур и